

Белорусские народные сказки

Пан и сказочник

Один богатый пан очень любил сказки слушать. Бывало, кто ему что ни наплетёт, он всё правдой считает.

Захотелось этому пану такую сказку послушать, какой бы он не поверил. И объявил он повсюду: “Если кто расскажет мне такую сказку, чтобы я сказал: врёшь, дам тому тарелку золота”.

Нашёлся один такой сказочник. Звали его Янка. Приходит он к пану:

— Ставь, пан, тарелку золота, буду рассказывать сказку.

Поставил пан на пол тарелку золота, а сам уселся в кресле и закурил трубку с длинным чубуком.

— Ну, рассказывай. Только смотри, как бы вместо золота розог не получить.

Присел Янка на корточки перед тарелкой и начал рассказывать:

— И чего, панок, на свете-то не бывает! Вот какой случай со мной вышел однажды. Было это в то время, когда мой отец ещё и на свет не родился. Жил я с дедом. Делать дома нечего, вот дед и отдал меня к одному хозяину пчёл пасти. А было у того хозяина целых пятьдесят колод пчёл. Надо каждый день поутру пересчитать их и на пастбище гнать. А вечером пригнать, опять пересчитать, подоить да в ульи загнать. И хозяин мне твердо сказал: “Ежели ты хоть одну пчелу потеряешь, то не заплачу тебе за целый год”. Вот какая была нелёгкая работа!

— Всё может быть,— соглашается пан. Глянул Янка на тарелку золота и продолжает рассказывать:

— Однажды пригнал я пчёл с пастбища, пересчитал: нету одной пчелы... Батюшки-светы, быть беде! Я бегом назад — пчелу искать. А уже вечереть начало. Я туда, я сюда — нету пчелы. Вдруг слышу — где-то пчела ревёт. Смотрю — за рекой семь волков напали на мою пчелу. А она, бедняжка, от них изо всех сил отбивается, не сдаётся. Бросился я на помощь пчеле. Прибежал к реке — нет переправы. Что делать? А тут вот-вот волки пчелу разорвут. Я, долго не раздумывая, схватил себя за чуб, раскачал — и голя через реку! Но до другого берега не долетел — упал посреди реки и камнем пошёл ко дну. Опамятовался кое-как и начал искать дорогу, чтобы наверх выбраться. А тут, как назло, на дне реки кто-то костёр развёл да такого дыму напустил, что прямо глаза ест, даже рыба носом сопит и дороги из-за дыма не видать. Иду это я ощупью, глядь — медведь стоит. Хотел я схватить его за хвост, да он ко мне головой повернулся. Я сунул ему руку в горло, добрался до хвоста и за него ухватился. Испугался медведь да как рванётся наверх — ну, и вытащил меня. Сам бросился с перепугу в лес, а я на берегу остался, да не на том, что надо. Тут схватил я себя опять за чуб, раскачал ещё посильней, чем в первый раз, и — прыг на другой берег! — Мало ли чего на свете не бывает,— говорит пан.— Может, и правда.

— Правда-то правда, пане, да, пожалуй, с изъясном. Ну так вот. Перескочил я на другой берег, да с разбегу так грохнулся оземь, что по самый пояс увяз. Я и туда, и сюда — не выбраться. Без лопаты, думаю, ничего не поделаешь. Побежал домой, схватил лопату — и назад. Откопал себя и бегу на помощь пчеле. Прибежал, отогнал волков, а пчела уже и ноги протянула: задрали её волки, пока я туда да сюда бегал. Что делать? Прикрыл я пчелу веткой, чтоб волки не съели, а сам пошёл к хозяину.

“Беда”, — говорю. “А что за беда?” — спрашивает хозяин. “Волки пчелу задрали”. Как рассердился хозяин, как затопал на меня ногами: “Теперь не дам тебе ни гроша!” Молчу я.

Виноват.

Посердился хозяин и спрашивает: “А волки ещё не съели пчелу?” — “Нет”. — “Ну, это хорошо, что хоть пчела-то цела. Поедем заберём”.

Запрягли мы две пары волов, поехали. На лугу сняли шкуру с пчелы, порубили мясо на куски и привезли домой. Дома засолили — целых двенадцать бочек вышло. Весь год ели мы то мясо с хозяином.

— Мало ли чего на свете не бывает! — говорит пан.— Может, и правда.

— Ну, а как кончился год, хозяин прогнал меня и не заплатил и ломаного гроша. Только выпросил я у него кусок воску. Вылепил я из того воску лошадёнку, сел на неё и поехал к деду, ведь отца-то у меня ещё не было. Еду, еду — приехал в лес. А тут и есть захотелось. Потянул носом — чую, на ёлке жареным пахнет. Подъехал я к ёлке, а там в дупле жареные дятлы пищат. Ну, голод не тётка. Полез я в дупло за дятлами. Лезу рукой — не влез, лезу ногой — не влез, лезу головой — не влез, бросился всем туловищем — влез. Наелся там дятлов сколько хотел — и назад. Лезу рукой — не вылезу, лезу ногой — не вылезу, лезу головой — не вылезу, всем туловищем понатужился — тоже не вылез. Вспомнил я, что у хозяина за лавкой топор лежал. Побежал, взял топор, прорубил в дупле дырку побольше да и вылез.

— Мало ли чего на свете не бывает! — говорит пан. — Может, и правда.

— Вылез я, сел на лошадку, заткнул топорик за пояс и еду дальше. А топорик тяп да тяп, тяп да тяп... Вдруг лошадка стала — и ни с места. Оглянулся я — половины лошадки нету: обрубил её топорик! Чтоб тебе пусто было! Вырезал я палку из ракиты, сшил лошадку да и еду опять. А ракита вдруг стала расти и расти — выросла до самого неба. Ну, думаю, полезу на небо, погляжу, что там делается.

Пан перестал пыхтеть трубкой:

— И что же ты там видел на небе?

— Чего я там только не видел, пане! Иду я это по небу, а в одной хате святые вечеринку справляют: пьют, гуляют, весёлые песни распевают. Хотелось мне к ним зайти, да нет, думаю, с пьяными лучше не связываться, а то ещё тумачков надают. Иду дальше. В другой хате святой Микола храпит под столом, словно пшеницу на базаре продал. Видно, порядком хлебнул.

— Мало ли чего на свете не бывает! Может, и правда, — говорит пан.

— И верно, что правда! Своими глазами видал. Зашёл я к Миколу, думал — может, чем поживлюсь. Да где там! Бутылки на столе пустые, хлеба ни крошки. Покрутился я, вижу — валяется возле хозяина золотая шапка. Возьму, думаю, хоть Миколину шапку. Зайду где-либо по дороге в корчму, меня за неё и накормят. Взял я шапку — и назад. А тут Микола проснулся, начал шапку искать. А её нету. Наделал он крику-шуму... Надо, думаю, домой бежать, а то поймают — от беды не уйти. А тут никак не найду того места, где ракита на лошадке растёт. Я и туда, и сюда — нету ракиты. Вдруг вижу — святые на току гречиху веют, мякина так по всему небу и рассыпается. Давай я её ловить да верёвку вить. Свил, привязал одним концом к небу и начал на землю спускаться. Спустился к другому концу верёвки, а земли всё не видать. Повис я меж землёю и небом. Хорошо ещё, что со мной топорец-то был. Возьму это я отрублю конец верёвки, снизу подточаю и дальше спускаюсь.

— Мало ли чего на свете не бывает! — говорит пан. — Может, и правда.

— Точал я этак, точал, да и не заметил, как сквозь землю проскочил и в аду очутился. Иду по аду, разглядываю, как там и что. Вдруг вижу: ваш покойный батюшка — худой, босой, оборванный — свиней пасёт.

Вытаращил пан глаза, трубка изо рта выпала:

— Врёшь, хам! Не может этого быть, чтоб отец мой да свиней пас!

А Янка хватить тарелку с золотом — и за двери!